

РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

**А. С. Макарычев, доцент кафедры политологии
Нижегородского государственного университета**

Регионализм: теория вопроса. Что такое регионализм? Есть юридические, экономические, геополитические, исторические, культурные и иные трактовки этого сложного явления. Каждая из них концентрируется, лишь на каком-то одном аспекте, игнорируя остальные важнейшие характеристики. Например, понять суть проблем российского регионализма, исходя из чисто юридического подхода к России как государству, чья Конституция фиксирует наличие 89 субъектов федерации, будет весьма сложно, если вообще возможно.

В то же время в зарубежной литературе можно встретить множество синтетических определений этого понятия. Так, по мнению Энн Маркузен, "Регион – это исторически эволюционирующее, компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социо-экономическую, политическую и культурную среду, а так же пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация"¹.

Нам импонирует "релятивистская", или функционалистическая позиция, занятая, в частности, американским исследователем Уолтером Айзардом. Она может быть сформулирована следующим образом: как дефиниция, регион исчезает, стоит нам только углубиться в чисто пространственное теоретизирование. Он возвращается в качестве концепции, необходимой для обоснования наших доктрин. Другими словами, "иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся"².

Финский политолог Пирьо Юкарайнен полагает, что под термином "регионализм" могут скрываться такие разнородные процессы, как движение за этнические права, сепаратизм, децентрализация государственного устройства, транснациональное сотрудничество соседних административно-территориальных образований, региональная сетевая интеграция, и т. д.³ Регионализм – это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных процессов. В этом смысле он анализируется в таких категориях как:

- ♦ социальная сплоченность этнических расовых и языковых групп, проживающих совместно;
- ♦ взаимная дополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории;
- ♦ совместность общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями;
- ♦ политическая солидарность⁴.

Регионализм нацелен на практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ, а значит – создает условия для рационального распределения власти и ресурсов среди различных групп населения. Поэтому регионализм внутренне присущ всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т. д.⁵ Региональные отличия существуют и в маленькой Албании, и в огромном Китае. Другими словами регионализм неизменно присутствует во внутреннем обустройстве общественных отношений и не всегда принимает политический облик. Курс правительства, часто имеющий коннотацию с термином "регионализм", – это не более, чем отражение (адекватное или искаженное) тех изначально существующих возможностей и потребностей, которые вытекают из самого принципа пространственно-территориального распределения человеческих сообществ.

При игнорировании на официальном уровне регионализм существует в пассивной (подавленной) форме и проявляется в различных привычках, обычаях, типах менталитета, публичной активности, культурных особенностях и т. д. Этот вид регионализма определяется общей идентичностью, культурой, историей, географией. Будучи поощряемым, регионализм приводит к созна-

тельному поддержанию различных центров регионального притяжения и в политическом смысле ведет к децентрализации власти.

Некоторые ученые трактуют регионализм как альтернативу национализму и шовинизму. Другие полагают, что дробление современных государств-наций приведет к появлению преимущественно региональных форм политической организации, которые будут более однородны социально, а потому станут более прочными и интегрированными. Действительно регионализм позволяет сократить дистанцию между политической элитой и рядовыми гражданами и, таким образом, создает стимулы для более глубокого участия последних в политической жизни. В этом смысле можно сослаться на Роберта Дала и Эдварта Тафта, которые писали, что “чем более компактной и однородной является система, тем меньше вариации политических действий внутри нее, тем больший процент граждан придерживается единого кодекса поведения, нормы которого легко передаются словом и примером, а нарушения становятся видимыми. Следовательно, облегчается применение санкций посредством жестких или мягких форм социального взаимодействия, и затрудняется уклонение от санкций... В небольшой системе снижается групповая лояльность и усиливается общая солидарность”⁶.

Однако регионализация не может трактоваться как универсальный политический инструмент. Права и свободы этнических меньшинств могут ущемляться как на центральном, так и на региональном уровне. Регионализация – это не цель, а средство. То, что при одном режиме можно достигнуть при помощи централизации, при другом реально обеспечить посредством регионализации.

В истории были случаи, когда “центральное правительство пыталось демократизировать общество за счет подрыва власти местных олигархий”⁷. Регионы, входившие во внутренние, разнородные государства, обращались за помощью центральных властей для справедливого решения тех или иных проблем. В 18 веке румынская элита Трансильвании неоднократно призывала габсбургские власти предоставить этой части страны адекватные политические и религиозные свободы⁸. Прямого вмешательства из Лондона требуют местные католические организации, находящиеся под доминированием протестантского большинства.

Простая “декомпозиция” властных полномочий не решает проблему соблюдения индивидуальных и групповых прав. Автономия не является противоядием от посягательств на политические свободы граждан. В политологии есть полезное разделение между “местной властью” и “местными сообществами”. Эффективность последних определяется естественным характером их образования, духом согласия, царящим в них, добровольностью самого принципа ассоциации, важностью общих ценностей и связей.

Клинт Болик, автор концепции “тирании снизу”, пишет, что если юрисдикция местных правительств устанавливается в принудительном порядке, то правила игры в сообществах вырабатываются консенсусом, как это бывает в религиозных общинах или этнических землячествах. Лояльность сообществу, вхождение в которое является полностью добровольным актом, не переносится автоматически на лояльность местной власти.

Эпоха индустриального модерна во многом разрушила основу существования сообществ в том смысле, о котором говорил К. Болик. В России они остались лишь на Кавказе и в местах расселения казаков. Многие авторы, впрочем, не исключают, что эпоха постмодерна сможет возродить дремлющие чувства территориальной идентичности людей⁹.

Постмодернисты констатируют, что многие существующие общности людей (политические, религиозные, культурные, этнические, профессиональные) действуют в масштабах, превосходящих размеры самых крупных государств. Отсюда – распространение внерегиональных, внегосударственных и внетерриториальных форм самоструктурирования политических, экономических, социальных, культурных, этноконфессиональных и иных процессов. По мнению Джозефа Камиллери, “мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности”¹⁰.

Территориально организованный мир действительно полон противоречий. Во-первых, люди, принадлежащие одной этнической общности, могут жить под юрисдикцией многих государств

(курды, евреи, арабы, китайцы). Сюда же следует отнести и русских, которые превратились, в разделенный народ в 1917 г., когда миллионы наших соотечественников вынуждены были навсегда податься на чужбину. Во-вторых, территория, которую народ считает своей, может находиться (полностью или частично) под контролем других наций (проблема аборигенов и индейцев, Израиль до 1949 г. и. д.).

Изначально территориальный принцип государственного строительства предполагал, во-первых, определенную социальную однородность населения. И, во-вторых, общее самосознание коллектива людей, обрамленного общими границами¹¹. Здесь очевиден ряд проблем. О самосознании (в том числе духовном его компоненте) территориально сгруппированных общностей копать ломаются давно. Ханс Гадамер, к примеру, был убежден, что понятие территории должно включать в себя категорию отношения, а Макс Шелер ввел понятие "ментальное окружение" применительно к большим группам людей.

Вполне очевидно, что территориально очерченные структуры не могут быть абсолютно однородными. Но как быть, если территориальные единицы не совпадают с лингвистическими (есть множество европейских примеров)? Или религиозными (исламский мир)? Постмодернисты высказали предположение, что территориальность может как бы поглощаться более значительными факторами – например, принадлежностью к одной из мировых религий: национальность и лояльность государственным институтам при этом может значить меньше, чем вероисповедание, то есть чувство солидарности или единения с конфессией, чья зона влияния превосходит национальные границы¹². Исходя из этого, постмодернизм пропагандирует теорию "взаимопересекающихся (или накладывающихся друг на друга) суверенитетов": человек может быть подданным одного или нескольких государств, и одновременно принадлежать другим иерархиям (экономическим структурам, профессиональным ассоциациям, религиозным или этническим общинам и т. п.)

Сложно спорить с постмодернистами в том, что мы живем в мире полифонии и конфликтующих друг с другом неравенств. Но этот плюрализм вполне может воплощаться в форме "национальных идентичностей". Характерно, что в своей апологетике "глобального гражданского общества" постмодернисты предпочитают не замечать того ренессанса национальных идей, который имеет место в мире. Здравко Млынар, к примеру, полагает, что формы территориальной идентификации оказались сильнее, чем все известные варианты транснациональных или национальных общностей. "В демократических или авторитарных странах, на Западе и в третьем мире, международные движения сегодня испытывают болезненный возврат к локальным формам за счет потери значительной части своей аудитории. Все универсальные братства, будь то коммунизм, исламизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве... необычайно эффективного символа"¹³.

Далее, постмодернисты постулируют, что люди могут быть членами международного сообщества в обход государства, непосредственно и прямо (например, экологические или правозащитные движения). Это действительно так. Но причина кроется не в эпохе постмодерна как таковой, а в широком распространении в мире демократических институтов, либеральных принципов и норм.

Наконец, обращает на себя внимание нежелание постмодернистов давать определения основным терминам, и в частности понятию "нация". Сложность здесь состоит в том, что нацию нельзя жестко определить через общий язык (его нет в Швейцарии или Бельгии), расу, культуру, религию (вспомним американскую концепцию "плавильного котла" и "мультикультурализма") или территорию (феномен еврейской, русской или польской диаспоры). Нация может выступать, как транс-территориальное понятие: можно жить за пределами своей исторической родины и продолжать отождествлять себя со своей нацией (пример русской эмиграции, немцев в странах СНГ и т. д.). В этом смысле прав голландский профессор А. Моммен, определивший нацию как сообщество равных людей, добровольно подчиняющихся (или выражающим лояльность) определенным правилам, процедурам и нормам, которые в свою очередь отражают совокупные предпочтения граждан¹⁴. Если эти правила, процедуры и нормы воплощаются или отражаются в существующих государственных институтах, то категории национальности и гражданства совпадают.

Кроме того, члены нации должны разделять общие **ценности**, выработанные в ходе совместного исторического прошлого (это может быть соборность или индивидуализм, уважение к собственным государственным символам, элементы религиозного сознания и т. д.). "Национально-государственное единство предполагает наличие не только единого географического пространства, общих культуры, языка и исторического прошлого, определенных убеждений и ценностных ориентаций, но и формирование чувства ответственности, единого целого, которые позволяют членам политического сообщества действовать коллективно, чтобы отстоять собственную идентичность"¹⁵. Это приводит к понятию идентификации: человек сам отождествляет себя с большим коллективом людей и воспринимает судьбу в неразрывном единстве с его судьбой. Важно подчеркнуть тот демократический потенциал, который изначально заложен в таком "вбирающем" определении: стать членом нации можно вне зависимости от расы или религии, лишь в результате свободного волеизъявления. Так формировалась американская, канадская, австралийская, российская нация.

В научных и политических кругах существует путаница в использовании терминов "нация" и "этнос". Иногда они отождествляются друг с другом. Так, конституционное положение о "многонациональности" Российского государства фактически предполагает, что существует как бы общефедеральная нация и нации более мелкого масштаба, имеющие к тому же самый разнообразный статус. Такое положение вещей бесспорным назвать нельзя, поскольку этнос становится нацией только при условии создания собственных политических институтов власти. Кроме того, вольное использование терминов приводит к искажению сути многих явлений, которые они описывают. К примеру, то, что часто называется "межнациональными конфликтами", в действительности представляет собой борьбу этнических элит с центральным правительством за повышение собственного статуса посредством суверенизации того или иного этноса.

Культурологические аспекты регионализма трактуются в политологии с различных позиций, однако, можно выделить два наиболее распространенных тезиса. Во-первых, культурное разнообразие само по себе чаще всего является препятствием для политической интеграции общества и, представляет потенциальную угрозу стабильности общественного порядка¹⁶. Во-вторых, для мирного сосуществования различных этнокультурных групп в рамках федеративного государства нужна особая политическая культура, базирующаяся на толерантности и плюрализме (положительный пример – Швейцария, отрицательный – Югославия)¹⁷.

В государствах, где региональные проблемы имеют особую актуальность, существуют следующие варианты децентрализации власти:

- наличие регионов, обладающих чувством "региональной идентичности", но не склонных решать самостоятельно свои проблемы (в силу ограниченности ресурсов, слабой структурированности региональной политической элиты, сильной привязки к центру и по другим причинам). Они применяют стратегию "приспособления", другими словами – вхождения в политическую среду более широкого социального организма на правах одного из его компонентов;
- требования культурной автономии ("язык, религия, сохранение местных этнических традиций и тому подобное);
- артикуляция экономических интересов;
- политические лозунги, направленные на сдвиги в существующей системе распределения власти;
- сепаратизм при наличии сформулированной идеологии. Он может принимать два вида:
  - а) сепаратизм, то есть выделение региона из состава государства (гражданская война в США),
  - б) ирредентизм, то есть обособление на основе объединения в рамках одной территории всех членов некоей этноязыковой группы (итальянское движение 19 века, образование Израиля, курдская проблема). Сепаратизм может протекать как в мирной форме (распад СССР или ЧССР, ранее – образование Норвегии). Так и при применении насилия (Югославия).

Что касается этнической идентичности, то в современной литературе можно встретить несколько трактовок этой проблемы. Согласно первой версии (“примордиализм”), этничность в целом и язык в частности являются исконно присущими атрибутами человеческих сообществ. В этом смысле этничность консервативна и ее психология может быть направлена против модернизации.

Согласно другой, инструментальной теории, характер этнической идентичности определяет экономические политические и коммуникационные процессы. В таком контексте использование тех или иных атрибутов этничности (в частности, языка) рассматривается не как самодовлеющий фактор, а как следствие определенной парадигмы общественного развития.

Наконец, так называемый конструктивистский подход исходит из того, что человеческие сообщества сами формируют ту среду, которая наиболее адекватна их общим интересам. С этой точки зрения, люди сами рациональным образом избирают ту культурную парадигму развития, которая делает членство в этнической или социальной группе не просто приемлемым, но и выгодным¹⁸. Этот подход акцентирует внимание на рациональных началах жизнедеятельности этнических групп.

Проблема состоит в том, что этническое разнообразие при определенных условиях чревато угрозой целостности государства. Наиболее типичными причинами сепаратизма в современном мире являются:

- этно-религиозное многообразие государства (Кипр, Ливан);
- неравномерное экономическое развитие;
- Существует сепаратизм как отсталых (Чечня), так и передовых регионов (Словения, Каталония, Фландрия, Квебек);
- защита определенных политических ценностей (отпадение Тайваня);
- стремление к большой эффективности в использовании имеющихся ресурсов (Чехия, Словения);
- желание и возможность исправить старые несправедливости (Эритрея, страны Балтии);
- облегчение последующего объединения с другим государством или вхождения в международные организации (Молдова, Чечня);
- сохранение культурных и национальных ценностей (Абхазия, север и юг Судана, страна Басков, Приднестровье, восточные области Украины, Трансильвания);
- раздел сфер геополитического и экономического влияния в мире, что приводит к относительной легкости нахождения внешнего “протектора”, или альтернативного центра геополитического притяжения (ориентация Чечни и Боснии на мусульманский мир, Хорватии – на Германию и Евросоюз, Сербии – на Россию, Квебека и Валлонии – на Францию);
- неэффективность международных механизмов по предотвращению сецессий, гражданских войн и сохранению территориальной целостности государств (фактический провал одного из ключевых принципов хельсинкского соглашения о нерушимости границ в Европе).

Можно отметить, что не существует прямой и однозначной зависимости между уровнем дискриминации потенциальных сепаратистов и интенсивностью их активности (словенцы в СФРЮ, армяне или прибалтийцы в бывшем СССР не относились к числу отсталых или дискриминируемых народов, но при первой же возможности встали на путь независимости).

В числе носителей идей сепаратизма, по мнению американского исследователя Гидона Готлиба, обычно выступают:

- этнонационалисты, то есть крупные и хорошо структурированные социальные группы: квебекцы, хорваты, словаки;
- воинствующие группировки (лудаевские и последудаевские формирования, Ирландская республиканская армия, баскские террористы, тамилы в Шри-Ланке);
- неудачливые участники распавшихся многоэтнических коалиций (марониты в Ливане, креолы в Сьерра-Леоне, тутси в Бурунди и прочие).

Гидон Готлиб, в частности, полагает, что решение подобных конфликтов путем дробления существующих государств является тупиковым путем, поскольку повлечет за собой растущую

нестабильность. Система международных отношений, с его точки зрения, должна быть усовершенствована с тем, чтобы вобрать в себя не только национальные государства, но и те народы, которые не имеют своего государства. Эти народы должны быть признаны в качестве субъектов международного права, что отчасти снимает остроту проблемы территориальных изменений¹⁹. Эту же мысль поддерживает и Э. Паин, полагая, что так называемые национально-культурные автономии могут развиваться как в территориальной, так и в экстерриториальной форме²⁰.

Тэд Р. Гурр полагает, что для нового “мирового порядка” наибольшую опасность представляют религиозные и этнические меньшинства, организованные в виде негосударственных “коммунальных групп”. Он высказывается не за полную независимость и разрушение существующих государственных единиц, а за такие политические формы, как конфедерализм, федерализм, региональная автономия, региональная административная децентрализация, и “общинный автономизм”. При этом у любого государства, встречающегося с проблемой сепаратизма, есть, по крайней мере, четыре варианта действий: “сдерживание”, “ассимиляция”, “содействие плюрализму” и “передел власти”²¹.

Б. Харфф и Т. Гурр справедливо полагают, что “там, где люди различного этнического происхождения непосредственно конкурируют друг с другом по поводу одних и тех же ограниченных ресурсов, их этническая идентичность приобретает для них большое значение... Этнические группы мобилизуются при наличии двух условий – сильного чувства идентичности группы и воздействия неблагоприятных факторов... Основным показателем возникновения этнополитического конфликта является сплочение этнической группы, бросающей вызов другим, и сила и единство руководства ею”. Степень идентичности группы зависит от таких параметров, как владение общим языком, количество людей с общим вероисповеданием, расовые признаки и общая история, по крайней мере, столетнего периода²².

Концептуализируя идентичность, можно выделить два условия, абсолютно необходимых для образования нового государства в форме “отпочкования” от уже существующего. Во-первых, претендующая на государственный статус этническая группа непременно должна сконструировать собственную независимую политическую структуру, то есть комплекс политических институтов, способных обеспечить жизнеспособность и безопасность будущего государства. Так произошло, например, когда Сингапур встал на путь выделения из состава Малайзии. При этом нация непременно должна выдвинуть из своего состава политическую элиту: выделяющийся регион (или территория) должен быть управляемым и контролируемым.

Но этого условия не достаточно: сепарация приводит к появлению новой государственности, если население обладает чувством национальной “идентичности”, то есть неким особым сознанием и интересами, отличными от соседских. Вместо идентичности некоторые ученые предпочитают говорить о лояльности. В этом смысле регионализация предполагает сдвиг лояльности вовнутрь, поскольку лояльность правительственной системе уступает дорогу лояльности по отношению к подсистемам²³. В любом случае речь идет об очень подвижном и по преимуществу социо-эмоциональном чувстве восприятия “нас” как отличных от “других”. Оно может иметь этнический подтекст (распад бывшего СССР, квебекский сепаратизм, раскол между Фландрией и Валлонией), но не обязательно. Например, ядро будущей Швейцарии образовалось с выделением из состава Германской империи трех немецких кантонов. Этнический фактор играл относительно слабую роль при выделении Ирландии из состава Великобритании или белых правительств ЮАР и Родезии из Британского Содружества. Есть и другие примеры: разрыв колониальных связей между странами Латинской Америки и Испании, Бразилией и Португалией, Североамериканскими колониями и Англией.

Интересный подход к этой проблеме содержится в работах Раймона Бреттона. Он определяет идентичность как модель восприятия людьми самих себя и тех групп, в которые они входят, и полагает, что она может проявляться в трех формах. Во-первых, идентичность может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам людей. Во-вторых, идентичность повышает уровень взаимозависимости: чем в большей мере люди воспринимают ее как постоян-

ную характеристику жизни (география, пользование одними и теми же транспортными коммуникациями и энергоресурсами, наличие общих противников), тем сильнее чувство идентичности региона. В-третьих, чувство идентичности может опираться на исторический опыт, общее культурное наследие, религию и язык.

Проблему идентичности нельзя сводить к поиску отдельных особенностей того или иного региона (в истории, политическом устройстве или иных сферах могут быть найдены достаточно легко). Для существования региональной идентичности нормы, регулирующие и обеспечивающие ее, должны быть сильнее общенациональных норм или сопоставимы с ними по своему влиянию. Кроме того, идентичность должна иметь некоего “оппонента”, против которого она направлена (политически, культурно и т. д.).

Региональная идентичность в России. Какие обстоятельства затрудняют процесс “кристаллизации” федеративных отношений в России и других странах СНГ? Во-первых, это слабое развитие соответствующей политической культуры, ставшее следствием коммунистического правления. Во-вторых, это недостаточное структурирование институтов гражданского общества. К примеру, политические партии явно не выполняют свою “стягивающую”, “цементирующую” роль, столь важную для единого федеративного государства. В-третьих, это отсутствие территориальных границ расселения этнических групп, что часто провоцирует вспышки этнонационализма. Во многих регионах политические границы не являются границами между этническими группами (особенно это характерно для Кавказа или Средней Азии)²⁴.

Для российских регионов характерны два типа этнокультурной идентичности. Первый тип Л. С. Перепелкин назвал “шотландским”. Для него свойственна частичная культурно-языковая ассимиляция меньшинства со стороны более крупного народа при сохранении своего национального своеобразия (карелы, мордва, удмурты, коми). “Баскский тип” предполагает значительное дистанцирование (в том числе и в религиозном плане) от доминирующего народа (татары, башкиры, чеченцы, тувинцы). Такой тип усиливает автономистские тенденции и стимулирует “культурное разделение труда”²⁵.

Этнически разнородная федерация создает условия для развития внутренней асимметрии. Эта асимметрия может объясняться, во-первых, политическими обстоятельствами (уступки со стороны центра отдельным республикам). Во-вторых, она может носить структурный характер, отражая дифференциацию между регионами. В-третьих, асимметрия может быть составной частью стратегии центра по привлечению к сотрудничеству те региональные элиты, которые наиболее лояльны к федерации²⁶.

Анализируя состояние российского федерализма, можно говорить не только о культурной, но и о **политической идентичности** регионов. Действительно, большинство субъектов РФ имеют свои четко выраженные политические особенности. Характеризуя их, многие политологи говорят о “региональных политических режимах”.

Так, Бэт Митчнек (Аризонский университет) выделяет два типа. Во-первых, это так называемые “режимы сохранения”, главная функция которых состоит в обеспечении защиты населения от экономических и политических кризисов. Во-вторых, это так называемые “финансово-брокерские режимы”, ставящие целью экономические реформы и развитие предпринимательства.

Российский ученый Владимир Гельман выделяет другие типы региональных политических режимов в России, характеризуя их следующим образом:

- а) “победитель получает все”;
- б) “сообщество элит”;
- в) “война по правилам”²⁷.

Проблема региональной идентичности в России имеет отношение к поиску различных вариантов **региональной идеологии власти**. Идеологические доктрины на местах формировались в виде определенных приоритетов, иерархии социальных ценностей и оценочных политических стереотипов. По словам саратовского исследователя С. Бразилова, формирующаяся в регионах идеология “как бы компенсировала жесткую и несправедливую социальную дифференциацию

населения символами и заклинаниями относительно общественной солидарности и территориального сожительства. С другой стороны, региональная идеология воплощала и воспроизводила в приличных и апробированных социальных образах сугубо материальные и политические цели административной элиты”²⁸. Так, нижегородский губернатор И. Складов откровенно заявил о необходимости создания в структуре областной администрации “мощнейшего идеологически-информационного департамента”, который обеспечивал бы выгодную власти подачу материалов в прессе”²⁹.

Важными функциями региональной идеологии являются “консолидация провинциального социума на основе принципов региональной солидарности”, а также “концептуально-мировоззренческое обобщение недовольства провинциальных элит господством финансовой олигархии и контролем московского экономического и политического истеблишмента над сырьевыми и материальными ресурсами региона”³⁰.

По словам другого саратовского политолога А. Чернышова, “при отсутствии общезначимых ценностей и ориентиров наше политическое мышление модифицируется в зависимости от перехода от одной ситуации к другой. Ситуацию, как правило, создает власть”. Региональная идеология, поэтому является важнейшим компонентом так называемого “мобилизационного типа организации политического пространства”³¹.

Можно выделить несколько вариантов региональной идеологии в России. *Первый* ориентируется на противопоставление интересов того или иного региона и федерального центра. “Противостояние с Москвой” по финансово-экономическим и политическим вопросам стало, например, сквозной темой регионального дискурса в Нижнем Новгороде.

Второй вариант видится нам в тех республиках, где преобладают этнонациональные идеологические мотивы. “Менталитет этнонационалиста включает установку на исторический реванш, даже если речь идет о реалиях, удаленных не на одну сотню лет. Он видит мир сквозь призму интересов общего – своего этноса, выталкивая из поля зрения едва ли не все, что связано с единичным -- естественными правами личности”³².

По мнению В. Бажанова, отсутствие последовательной и компетентной национальной политики в России способствует становлению примитивных форм асимметричного регионализма и укреплению этнонационалистических тенденций, которые могут иметь необратимый характер³³. Первую скрипку здесь играет, без сомнения, Татария. Именно в этой республике сформировался своего рода “теневой институт” “Конгресс татар”, претендующий на выработку национальной идеологии для всей республики. Ее конкретные проявления весьма широки – от предложений о вступлении Татарии в НАТО до войны с центром за сохранение в паспортах графы о национальной принадлежности³⁴.

В этой связи очень важно проводить различие между этническими и региональными интересами. К примеру, интересы, связанные с освоением и эффективным использованием природных ресурсов, экологией или демографической политикой, могут удачно сочетаться с интересами коренных северян или аборигенных народов. Но все же это – не этнические, а региональные интересы. По словам политолога из Сыктывкара В. Ильина, “русские депутаты коми парламента так же активно поддержали все меры по защите экономики республики от Центра, как и их коми коллеги... Почти все ключевые проблемы республики связаны с этнически нейтральным региональным интересом”³⁵.

В то же время часто имеют место попытки подменить региональный интерес этническим. К примеру, в Горном Алтае начало строительства ГЭС вызвало значительное обострение межэтнических отношений³⁶. В начале 1990-х годов подобные ситуации сплошь и рядом были необходимым условием для победы на выборах представителей этнических групп³⁷.

Третий вариант характерен для регионов, чувствительных к проблеме территориальной незащищенности. По словам ульяновского политолога А. Магомедова, “в данной ситуации подход к идентичности политического сообщества выходит на передний план. Не случайно, например, державный синдром приморского губернатора Е. Наздратенко подпитывается ссылками на рас-

тущую угрозу китаизации российского Дальнего Востока”³⁸. Националистические речи краснодарского губернатора Н. Кондратенко объясняются близостью этого региона к “горячим точкам” с их очагами этнических конфликтов.

Культурные и политические аспекты региональной идентичности, без сомнения, связаны друг с другом, однако эта связь не является прямой и очевидной. Так, интересно, что исследовательница из Пристона Кэтрин Стонер-Вайсс, изучившая ряд российских регионов (Саратов, Ярославль, Тюмень и Нижний Новгород), не смогла выявить однозначной зависимости между открытостью и склонностью к реформаторству региональной политической элиты и так называемой “гражданской культурой” самого населения³⁹.

Заключение. Таким образом, культурологическое “измерение” регионализма тесно связано как с феноменом этничности, так и с региональными вариантами создания собственных идеологических конструкций. Этнокультурное разнообразие России является одним из факторов, создающих серьезные политические проблемы для федерации. Их разрешение в конечном итоге должно быть связано с необходимостью обеспечения социального порядка и дробного, фрагментирующегося политического пространства.

Примечания:

1. Ann Markusen. *Regions: Economics and Politics of Territory*. Rowman and Littlefield Publishes, 1987. P. 17,251.
2. Andrew M. Isseman. *Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // The Review of Regional Studies*. Vol. 23 . №1, Summer 1993. P. 5-6
3. Pirjo Jukarainen. *Any Space for the Postmodern Identity? International Conference: “ Border Regions in Transition”*. 14-18 June 1997. P. 5.
4. Andrew Hurrel. *Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics// Review of International Studies*. Vol. 21, №4, October 1995. P. 333.
5. Daniel Lerner. *Some Comments on Center – Periphery Relations // Comparing Nations. The use of Quantative Data in Cross-National Research*. Edited by Richard L. Merrit and Stein Rokkan. New Haven and London, Yale University Press, 1996.
6. Robrt dahl, Edward Tufte. *Size and Democracy*. Stanford University press. Stanford, California, 1973. P. 72-93.
7. *Regional development in Comparitive perspective*. Edited by Mark O. Rouseeau and Raphael Zariski. Praeger, 1987. P. 10.
8. Paul . R. Brass. *Ethnicity and Nationalism. Theory and Comparison*. Sage Publications. New Delhi/ Newberry Park/London, 1991. p. 60.
9. Clint Bolick. *Grassroots Tyranny. The Limits of Federalism*. CATO Institute. Washington, D. C., 1993. P. 95-96.
10. Joseph Camilleri. *Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community*. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. P. 35.
11. Andrew Hurrel. *Op. cit.*
12. Anthony Giddens. *The Consequences of Modernity*. Polity Press, 1990. P. 70-77.
13. *Global Modernities*. Edited by Mike Featherstone, Scott Lash and Ronald Robertson. SAGE Publication, 1995. P. 28-33.
14. Андрэ Моммэн. *Федерализм, конфедерализм и национальные государства. Тезисы лекции прочитанной в Нижегородском Университете*. Май 1993.
15. Орачева И. О. *Разделенные народы и проблема национально-государственной самоидентификации в условиях переходного периода. // Судьбы разделенных народов: история и современность. Материалы международной научной конференции*. Нижний Новгород, 1996. Стр. 100.
16. Steven L. Burg, Michael L. Berbaum. *Community, Integration and Stability in Multinational Yugoslavia // American Political Science Review*, June 1989. Vol. 83, n2. P. 536-537.

17. Daniel Elazar. International and Comparative Federalism // Political Science and Politics // June 1993. Vol. XXVI, n. 2 p. 190-195.
18. Lawrence R. Robertson. Ethnic Politics in the Russian Republics: Ethnic Revivals and Language Policies. Prepared for the Regional Russia Workshop, the Kennan Institute, Woodrow Wilson Center meeting. Washington DC, January 22-24, 1998.
19. Gidon Gottlieb. Op. cit. P. 39.
20. Паин Э. А. Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы. // Мир России, №1, 1995. Стр. 86.
21. Ted Robert Gurr. Minorities and Risk. A Global View of of Ethnopolitical Conflicts. United States Institute of Peace Press, Washington, DC, 1993. P. 3-23.
22. Харрф, Т. Гурр. Подходы к анализу этнополитической мобилизации и конфликта. // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Москва, 1997. Стр. 16-17.
23. Ibid. P. 62.
24. Oliver Roy. The Civil War in Tadjikistan: Causes and Implications. A Report on the Study Group on the Prospects for Conflict and Opportunities for Peacemaking in the Southern Tier of Former Soviet Republics. United States Institute of Peace, Washington, DC., 1993.
25. Перепелкин Л. С. Истоки межэтнического конфликта в Татарии. // Мир России. Том 1, № 1. 1992. Стр. 93-94.
26. Steven L. Solnick. Measuring Center-Periphery Dynamics in the Russian Federation: Preliminary Findings of a 1995-96 Study. Prepared for the Kennan Institute Russian Regional Workshop. January 1998.
27. Vladimir Gelman. Regime Transition and Outcome of Uncertainty: Russian's Region in a Comparative Perspective. Prepared for Regional Russia workshop, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Washington DC, 8-9 May, 1998.
28. С. И. Барзилов. Концептуализация региональной идеологии власти. // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 5.
29. Дело, 9-15 октября 1998 г.
30. Там же. Стр. 10.
31. Чернышов А. Г. Политическое самоопределение и структурирование российских регионов: типы и тенденции развития. // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 13-14.
32. Бажанов В. А. О феномене этнонационализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 29.
33. Выступление на конференции "Региональная политическая культура", Самара, июнь 1998 г.
34. Олег Зазнаев. Динамика политического процесса в Республике Татарстан (1997 г. - начало 1998 г.) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. №1(22), 1998 г. Стр. 81-82.
35. Ильин В. И. Ключевые факторы национальных отношений в Республике Коми. Регионология. Научно-публицистический журнал. Саранск. №1, 1994. Стр. 34-35.
36. Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Горный Алтай: межнациональные отношения сегодня и завтра. // Мир России. Том 2, №1, 1993. Стр. 73.
37. Калабанов А. Этнополитическая ситуация в Архангельской области и республике Коми и развитие федерализма в России // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Сборник работ победителей конкурса научных проектов и материалов семинара "Новые элиты и политические институты в СНГ". Выпуск 8. Часть 1. Московский общественный научный фонд. Москва, 1997.
38. Магомедов А. К. Дилеммы политического развития Кубани и региональная "реставрация" губернатора Николая Кондратенко // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. Стр. 23.
39. Kathryn Stoner-Weiss. Local Heroes. The political Economy of Russian Regional Governance. Princeton University Press. Princeton. New Jersey. 1977. P. 151-168.